

Перед нами миллионы вооруженных, все более и более вооружаемых людей, приготавливаемых к все более и более успешному убийству. Мы знаем, что все эти миллионы людей не имеют никакого желания убивать себе подобных, большей частью не знают даже повода, по которому их заставляют делать это противное им дело, тяготятся своим положением подневольности и принуждения. Знаем, что убийства, совершаемые по временам этими людьми, совершаются по повелению правительства. Знаем, что существование правительств обуславливается войсками. И мы — люди, желающие уничтожения войны, — не находим ничего более целесообразного для этого уничтожения, как то, чтобы предлагать, кому же! — правительствам, существующим только войсками, следовательно, войною, такие меры, которые уничтожили бы войну, т. е. предлагать правительствам самоуничтожение.

Правительства с удовольствием будут слушать все такие речи, зная, что такие рассуждения не только не уничтожат войны и не подорвут их власти, но еще более скроют от людей то, что им нужно скрыть для того, чтобы могли существовать и войска, и войны, и они сами, распоряжающиеся войсками“.

Столь же ошибочным считает Толстой и то мнение, что война будто бы сама себя уничтожит. „Говорят часто, пишет он, что изобретение страшных военных орудий убийства уничтожит войну; война уничтожит сама себя. Это неправда. Как можно увеличивать средства избиения людей, так можно увеличивать средства приведения к покорности людей общественного жизнепонимания. Пускай их бьют тысячами, миллионами, разрывают на части, они всетаки — одни, как бессмысленная скотина, будут идти на бойню, потому